

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0053.01.01

- Добрый день.
- День добрый.
- Спасибо большое, что согласились с нами встретиться, я хотела бы вас попросить, чтобы вы представились, как вас зовут имя и фамилия?
- Сташкевич Елена Эдуардовна.
- Скажите, пожалуйста, когда вы родились?
- Я родилась в феврале тридцать третьего года.
- И где?
- В Голинах. Это будет...ну да, это Гудогайская область, так как мы католики, а так это регион Ошмян был бы.
- Сколько километров до Ошмян?
- Девять. Девять километров.
- Несколько недель назад к вам приезжали коллеги, вот и с вами разговаривали про старые времена. И вот мы вернулись записать ваши воспоминания, потому что нам кажется, что это важно. Скажите, пожалуйста, вот в Голинах жили евреи?
- Нет, не было евреев. В Ошмянах были, а в Голинах не было. Там деревня, негде им было жить. В Ошмянах были. Мы это знали, так как Ошмяны ходили, а евреи были всегда продавцы и мы все у них покупали. Так вот, мы их знали.
- Вы тоже ходили в Ошмяны?
- Ходила, я их видела и знала. И магазины я их помню, в которых евреи были продавцами. А продавцы все были евреи. Наших мало было, наши были неграмотные можно сказать люди, а евреи были более такие грамотные.
- А что вы у евреев покупали?
- Я не помню уже, я школу тогда ходила, я с мамой туда приходила, не одна.
- Скажите, а какие были взаимоотношения поляков и евреев?
- Они были очень приятные. Всегда когда к ним придешь, они всегда, пожалуйста, пожалуйста; и все покажут, расскажут. Я не могу ничего вспомнить плохого, а только хорошее.
- Скажите, а вот когда началась война, когда немцы пришли...

- Боже...когда война пришла, трудно так было, мы прятались...воспоминания очень плохие. Мужчин забирали, оставляли детей одних, трудно было.

- А мужчин забирали куда?

- Я точно не могу точно сказать куда забирали, я маленькая еще была.

- А жизнь евреев как то изменилась после того, как немцы пришли?

- Этого я не помню, как у них жизнь изменилась. Я не понимаю из-за чего их уничтожали, за что? Я не знаю за что, но что-то ведь было.

- Ну вот, а то, что вы помните, то, что вы видели что уничтожали, значит, плохо все было у евреев?

- Ну конечно плохо. Утром дядя пришел мой, и говорит, что страшно сегодня будет, будут стрелять жидов.

- Это когда он пришел?

- Утром пришел, я не помню, какой это день был. У меня двое братьев было, один родной, другой двоюродный; они говорят, пошли, посмотрим, как их будут стрелять. А я боялась чтобы они меня не оставили одну. Это было в районе обеда, может 11, может 12 часов. Бегом побежали, там было примерно 5 километров бежать. Бежали босые, мы ведь детьми были, там камни острые были, но все равно бежали. Прибежали, увидели это все; страшное увидели. Там яма была выкопана, я бы нарисовала, вот такая. Мы прибежали, а там машина уже была, и ходили люди эти, а другая машина при нас приехала. Одна мне запомнилась, черненькая такая, кучерявая, полненькая. Им сказали грызть траву. А на колени становиться нельзя было, можно было грызть только раком, а она встала на одно колено. И один милиционер ее сапогом ударил. И грызли они. А когда закончили их поставили, ну чтоб стрелять, а нам они сказали чтобы мы уходили или в вас тоже будем стрелять. А нас там много было, там не мы одни были, были и старшие. Вот мы тогда уже пошли обратно, я остановилась, у меня ноги болели, и я плакала, вот тогда мы услышали выстрелы. Но стреляли не одиночными, а очередями. Вот и все. Мы пришли домой. Все были обескуражены, в людей все-таки стреляли, не в животных. Все начали расспрашивать, что вы там видели, вот мы и рассказывали, все, что мы там видели. Обычно в детстве забываешь что видишь, а я никогда не забуду. Я знаю это место, меня там 5 лет не было. Хотела сходить посмотреть на это место, говорили мне сходи, посмотри. Там теперь памятник стоит, все заросло вокруг. Все уже не такое, каким мы все это в детстве видели.

- Вы говорили, что там были жида, откуда вы знали, что это были именно они?

- Мне так дядя сказал, тот, что пришел утром. Он нам сказал, что будут жидов стрелять, вот мы и побежали посмотреть.

- А как дядю звали?

- Владислав.
- А он откуда знал?
- А откуда я знаю, ну должно быть знал. Кто ему сказал, что здесь будут жидов расстреливать, в Любовщине. И мы ходили, смотрели. Сейчас там все поменялось, заросло все, а тогда там жатва была красивая, солнце светило...
- Когда вы туда пришли, вы увидели яму?
- Яму увидела, да. Людей этих видела.
- Хорошо. Вот эта яма, какого размера она примерно была?
- Она большая была, может каких-нибудь 5 метров шириной. А в длину не очень, может 2 метра.
- А глубина какая была?
- Вот такая, но глубокой не была.
- Вы бы могли сказать примерно, сколько этих людей там было?
- Я думаю, что 50 и более человек там было.
- Сначала вы увидели только людей с первой машиной...
- С первой машиной, сначала была одна машина...
- А эта машина еще стояла?
- Нет, мы, когда пришли, стояла эта машина. Такая простая машина, заполненная людьми. Ну, больше 25 человек туда не влезет, но всего их человек 50 было. Их всех застрелили. В тот раз. Может, в другой раз и не было, но в тот раз точно было.
- А в тот раз, когда вы смотрели на этих людей, на каком вы были примерно расстоянии?
- Не знаю, как сказать, но близко стояли, очень близко. Возле этой женщины, которая не могла траву грызть. Она была в черное одета и у нее был белый воротничок.
- Сколько ей лет было, это женщине?
- Может 40-45, такая молодая женщина была, красивая.
- А вот кроме этой женщины, какие там еще люди были?
- Там были и старики и молодые, там были и дети.
- Дети, какого возраста примерно?
- Ну такие 12-13 лет, совсем маленьких я не видела.

- И дети тоже грызли траву?
- А как же, все грызли.
- А как вы сейчас помните, сколько времени они грызли эту траву?
- Ну, может, минут 20 они ходили так. Недолго так постоят, а потом туда подойдут, сюда подойдут. Их все время тренировали, для того чтобы они грызли.
- А как они себя вели?
- Там визг был, и крик был, и тихо было. Некоторые говорили что плакали, я не могла видеть, чтобы кто-то плакал. Но эта женщина не плакала. Значит, я близко стояла к ней.
- И как только привезли эту вторую машину...
- Привезли и из нее так быстренько выскакивали, выскакивали. Все в черное одеты, мне показалось, что все прекрасно одеты, очень ухоженно.
- А скажите, пожалуйста, людей из этой второй машины тоже самое заставляли делать?
- Да, всех заставляли. Первые не заставляли пока этих не привезли, а как привезли, тогда всех вместе.
- То есть все вместе грызли траву?
- Да, все вместе.
- А в этой второй машине, какие там люди были?
- В смысле?
- Ну в первой вы говорили, что женщины и дети...
- И старики.
- А во второй?
- И во второй тоже самое. Были и мужики и бабы и молодежь была. Те что по моложе грызли, и те кто постарше, пожилого возраста, не могли низко нагибаться, они падали и валялись.
- Их били?
- Ну так чтобы били нет, но если не грызли, то их могли ударить. Страшно было. Я ведь говорю, что когда домой пришли, все собрались, расспрашивали, что там было, что там видели?
- А вы слышали какие-то приказы или команды...

- Этого я не помню.
- ...подождите минуточку, чтобы они становились возле этой ямы?
- Это мы слышали. Становились, им это говорили. Кругом становились, вокруг этой ямы.
- А вы еще говорили, что слышали звук автоматной очереди, я так понимаю, это было какое-то оружие. А вы видели это оружие?
- Нет, я не видела. Я не могла видеть, нам ведь сказали уйти. Ну у них были эти автоматы или что-то такое. Они говорили, что если не уйдете, то по вам начнем стрелять. Вот мы тогда и пошли, мы были детьми, боялись.
- Теперь я хочу спросить у вас, вас прогнали те же, кто выстраивал евреев возле ямы?
- Да, да. Эти самые.
- Кто они такие?
- Вот этого я не могу сказать. Я хотела бы сама узнать. Может это были партизаны, или это были немцы, я этого не могу сказать.
- А вы помните, как они были одеты? Можете рассказать?
- У них на голове была одета, такая как бы фуражка, такая высокая. Зеленая у них одежда была такая защитная. Теперь уже такие не носят.
- То есть они были в униформе какой-то?
- Да в форме были, в какой-то защитной.
- А было ли у них оружие?
- Было что-то. Что-то висело на плече. Он ведь говорил, что если не уйдете, то по вас будем стрелять. Было какое-то оружие, но я не могу сказать какое, мне ведь было 9 лет, я не могу сказать.
- Хорошо, а вот скажите, когда вас прогоняли, на каком языке они это делали?
- А по простому, вот так как я теперь говорю, вот так и сказали. Всем вон, чтобы никого не было, или начну стрелять во все стороны. Ну мы тогда уже пошли, и все разошлись. Там ведь много людей было, из соседних деревень тоже приходили люди.
- Я бы хотела уточнить, вот смотрите, я не русская и не белоруска. Вот смотрите есть русский язык, есть белорусский, ну вы знаете, вы отличаете...
- Я знаю, у меня просто русский и белорусский смешаны.
- Так вот они говорили по-русски или по-белорусски?

- Наверное, по-русски. Ну, они нам сказали уходить, мы и ушли.
- Они говорили, так как вы говорите, или они говорили все-таки на русском языке?
- По-русски, наверняка по-русски. Они кричали нам: “Прочь, прочь”. Кричали нам, мол, уходите или будем по вам стрелять. Вот и все. Мы и побежали. Вот и весь разговор. Мы больше там ничего не видели.
- Сколько примерно было вот этих вот как вы говорите, как их можно назвать, “стражей” или как? Сколько их было человек?
- Этого я не могу сказать. Их много было, потому что все эти кругом ходили, траву грызли, а эти тоже кругом ходили, смотрели. Их много было, человек 20 может. Может больше. Некоторых было не видно из-за кустов, там вокруг ямы кусты были, их не было видно. Их много было, этой стражи.
- А эту стражу вы видели до этого? В Ошмянах например?
- Нет, нет, где мы в деревне могли их видеть.
- То есть в деревне их не было?
- Нет, не было. Это была какая-то армия или еще что-то.
- А когда вы оттуда уже уходили, вы могли слышать выстрелы?
- Да слышали. Мы когда наверх поднялись, и тогда остановились, и тогда уже слышали. Мы поняли что стреляют.
- Сколько времени длилась стрельба?
- Долго длилась. Мы когда пришли домой, все говорили, что всё еще стреляют. Там долго.
- То есть когда вы пришли домой, все еще слышно было?
- Слышно было. Было понятно, что люди были обеспокоены. Не только мы ведь пошли посмотреть, много людей говорили про то, что расстреливают.
- Вернемся к этому моменту, значит, что они должны были зубами косить эту траву. Они косили, косили, косили и дальше, что было?
- Тогда стали становить их на расстрел. Некоторые плакали, некоторые молчали, потому что понимали что умрут.
- Так можно сказать, что они ползали по этой земле?
- Им не давали вставать на колени, а только вот так раком нужно было доставать до этой травы.
- То есть, я так понимаю, что они свою красивую одежду не испачкали?

- Нет, они не валялись на земле. Их всех в одно место застрелили. Боже. Столько человек в одну яму. Говорили, что земля шевелилась, до вечера.

- А кто это говорил?

- Люди это говорили.

- Скажите, а вот на их одежде были какие-нибудь специальные знаки?

- Я не могу этого сказать, я не помню. Я помню, что шапки были у них необычные.

- А у этих евреев, на их одежде...

- Они были с непокрытыми головами, и вроде бы все в черной одежде.

- А на этой черной одежде были какие-нибудь знаки?

- Нет, ничего там такого не было. Я думаю, что нет. Видела только белый воротничок. Я маленькая была, 9 лет, что я там могла видеть.

- А в прошлый раз, когда вы рассказывали, если я правильно понимаю, вы упомянули, что им раздеться велели?

- Нет, я этого не говорила. Такого не было. Я не могла видеть, как их раздевают. Нет. Их становили прямо в одежде. Нет, где там раздеваться. Это неправда.

- То есть если я правильно понимаю, последнее что вы видели, это то, что они стояли у этой ямы?

- Да и тогда нас уже не было на этом поле, евреи стояли возле ямы. Тогда он отвернулся, сказал нам уходить или он начнет стрелять. И мы тогда уже ушли.

- Вот среди этих евреев вы могли кого-нибудь узнать, попался какой-нибудь знакомый?

- Нет, я никого не знала. Я маленькая была. Может мои братья старшие кого-нибудь, и видели в магазинах или еще где-нибудь. А так нет. Так говорили, что из гетто привезли этих людей. Говорили, что были в гетто эти жида. А что это за гетто? В гетто они были заперты. И тогда сказали из гетто вывезли и расстреляли.

- То есть...

- Но это только так говорили, сама я не могла этого видеть.

- То есть вам сказали, что это были люди, которых привезли из гетто?

- Из гетто.

- А гетто это было где?

- В Ошмянах было. Недалеко от еврейской синагоги, вот тут рядом было это гетто.

- Вы знали, где было это гетто, а вы сами видели его?
- Видели, проходили, я показывала вам, все показывала. Там жидов закрывали, а за что закрывали, я этого не могу сказать, я ведь маленькая была.
- А как выглядело это гетто?
- Ну, просто огороженный дом и все. Ничего конкретного там не было. Разве что забор такой высокий с проволокой колючей.
- А это гетто кто-то охранял?
- Наверное, кто-то охранял, а кто я не знаю.
- Ну охрана там стояла?
- Вроде бы нет, какая там охрана? На улице не стояла, может быть внутри была, этого я не знаю.
- А вот вы говорили, что привезли вторую машину, а эти первые привезенные уже были...
- Уже были...
- Откуда вы знаете, что первых привезли на машине?
- Потому что так сказали. Так говорили, что привезли машину и поехали за второй. И вот мы тогда пришли и видели, как они слезили с машины и тогда уже всех распустили и "пасли" на жатве этой.
- А вот после этого расстрела на следующий день или через неделю, вам доводилось туда приходиться?
- Нет, мы не приходили, но вот эти наши стрижи говорили: "боже мой, боже, как там страшно". Говорили еще, что там земля шевелилась, и вроде бы слышали стоны.
- Вот эта охрана, в этих шапках, вы потом их еще видели где-нибудь?
- Нет, я больше не видела. Может они, и были где-то тут, но я там не была и не могла видеть.
- А как люди говорили, какие были слухи, о том кто выкопал эту яму?
- А вот не знаю. Может они были до этого выкопаны, может они сами копали, может это сделала охрана. Я точно не знаю кто яму копал. Я только яму видела, а кто ее копал не видела.
- А может вы помните, какими словами; какие команды они произносили, что они стали возле этой ямы?

- Этого я не знаю, я видела, как их туда ставили, но что они им говорили я не знаю. Но это должно быть были немцы, они как-то непонятно кричали. Это, наверное немцы стреляли, я так думаю.

- А вот когда приехал этот второй грузовик с людьми, с евреями, значит, их в этом грузовике кто-нибудь охранял?

- Ну, кто-то был, они начали выходить, и они появились, охрана в смысле.

- А в самом грузовике была?

- А в самом грузовике там вроде бы не было.

- А вот водитель грузовика он тоже был в униформе?

- Я не знаю, кто там водитель был, я его не видела. Ну, ведь была охрана, может, и водитель тоже охранял.

- А вот это гетто, которое было в Ошмянах, как долго оно там простояло?

- Долго стояло гетто, я не знаю, сколько точно, может несколько лет. Сколько точно не знаю.

- Я хотела у вас спросить, после этого расстрела было еще гетто, или уже не было?

- Уже наверное не было, к тому моменту разрушили.

- Ну а когда разрушили гетто, в Ошмянах остались еще какие-нибудь евреи?

- Остались, были они. Я когда уже сюда приехала, тут был хлебозавод, там был еврей, очень хороший человек.

- Так этот хлебозавод был при немцах?

- Нет, это уже при большевиках. А при немцах тоже были, никуда не делись, были. В Ошмянах же не 50 их было, на много больше было. Некоторые остались, потом, некоторые уехали в Израиль, а так они тут были.

- Ну, хорошо, я просто не поняла, может я чуть-чуть не понимаю вашего языка. Значит после этого расстрела, после того как гетто разрушили, но немцы еще были, в Ошмянах были какие-нибудь евреи.

- Ну конечно были. Может некоторых не трогали, но я этого не знаю, но были, я точно знаю что были. Я знаю, что их появилось, после того, как немцев убрали. Тогда уже появились и много их было.

- Хорошо, вы сами видели после этих расстрелов евреев в Ошмянах?

- Ну так я не знаю, я еще маленькая была, но так в целом знаю что были. Может остальные попрятались, когда тех перестреляли, а так их осталось много.

- Пани Елена, попробуйте припомнить, какого числа была эта экзекуция?
- Я не знаю, я не помню. И какой день был, я тоже не помню, помню только что солнце было, хорошо, тепло было.
- А это было лето?
- Лето, такое теплое лето, а какое время, дата была, я не помню.
- А вот эта женщина, которая не могла исполнить приказ, что с ней делали?
- Ударили ее. Она потом поднялась. Больше ничего.
- Так ее ударили, да?
- Ударили, да.
- Ударили один раз или больше?
- Один раз, потом она поднялась и стала нагибаться как все и доставать ртом до травы.
- А трава, какой высоты была?
- Ну, такая зеленая, хорошая трава была, такая вот.
- То есть, как вы показываете, невысокая трава была?
- Нет невысокая, вся мятая истоптанная была эта трава.
- А вот когда эти стражи, заставляли их грызть эту траву, на каком языке они с ними разговаривали? Как они говорили, что они говорили?
- Я думаю, что это немцы были, я не слышала слов. Их только гоняли и говорили грызть эту траву. На каком языке они говорили, я не могу сказать.
- Но это были те, же самые которые вас прогоняли?
- Да, те же самые, те же самые; которые нас потом прогоняли. Они потом ходили возле них, а мы смотрели. Потом нам сказали уйти и мы ушли. Мы ничего не видели, что мы могли видеть? Мы не видели, как их расстреливали.
- Я понимаю, то есть вы не слышали каких-то разговоров между этими стражами и этими евреями вы не слышали?
- Нет, нет нет...мы не могли, я еще маленькая была, я не могла услышать этого.
- А вот в прошлый раз, когда вы рассказывали, вы упомянули, что на следующий день ваш дядя пошел на это место...

- Нет, нет, не пошел. Он к нам приходил и говорил: "боже мой, боже, там говорят земля двигалась", но его самого там не было. Это уже люди между собой обсуждали. Его самого там не было, он не ходил. Он был уже старый такой мужчина.

- То есть он слыша...

- Да, он слышал, как люди об этом говорили, но самого его там не было.

- Ясно, скажите, вам доводилось видеть какие-нибудь другие, во время немецкой оккупации, преступления против мирного населения?

- Я не помню этого, я не могу помнить. Я совсем маленькая была.